

Прошлой ночью, покинув дом Жуань, Тан Шаотан не стал искать другое пристанище, а принялся бродить по уезду Ланьпин, снова и снова пересекая его улицы и переулки. Он хорошо представлял несколько возможных путей, которыми Цюй Цзюаньцзюань могла бы бежать из уезда, и намеренно двигался в противоположном направлении.

Тётушка Чань отвела ему ограниченное время, и путь из Фэньюаня в Ланьпин уже съел все отпущенные дни. Если она не получит от него новых вестей, то не станет сидеть сложа руки. Поэтому стоило ему лишь показаться в пределах видимости соглядатаев из Павильона Радужных Одежд, как кто-то непременно вышел бы с ним на связь. Так он мог выиграть время для побега Цюй Цзюаньцзюань и заодно не допустить, чтобы тётушка Чань приблизилась к дому Жуань и к А Цзю.

Как он и предполагал, едва он побродил по улицам с полчаса, как к нему грациозно подошли две служанки в скромных одеяниях и, почтительно склонившись, сказали:

— Господин, приветствуем вас.

В Павильоне Радужных Одежд Тан Шаотан и не считался каким-то особенным господином. Разве что вырос там, знал каждый уголок, каждое деревце и цветок, да много кого узнал в лицо — в остальном его положение ничем не отличалось от прочих. Почтительно величали его господином только служанки его наставницы, тётушки Чань.

— Мне нужно доложить наставнице.

Этой ночью Тан Шаотан намеревался отвлечь саму тётушку Чань, а не её служанок.

— Прошу вас следовать за нами, господин.

Спустя полчаса Тан Шаотан в сопровождении служанок оказался в одной из комнат музыкального павильона. Те заварили чай и, отойдя в сторону, замерли на месте, не собираясь уходить.

Тан Шаотан не придавал этому особого значения — все его мысли были заняты попытками разгадать неясное поведение А Цзю.

Ещё уговаривая Цюй Цзюаньцзюань бежать, он уже решил, что встретится с наставницей, чтобы отвлечь её внимание. Однако, являясь к тётушке Чань, он не мог предстать с пустыми руками — нужны были хоть какие-то результаты. Например, выведать у А Цзю какую-нибудь информацию о Павильоне Ушоу. Неважно, насколько она значима, неважно, принесёт ли пользу Павильону Радужных Одежд — главное, чтобы не прийти с совсем уж ничего не стоящим докладом.

Поэтому самым безопасным для него подходом было бы осторожно, исподволь выяснить у А Цзю что-нибудь, связанное с Павильоном Ушоу, а не напрямую спрашивать о его личности.

Но он не смог. Личные чувства пересилили рассудок, и он выбрал самый рискованный вопрос: «Ты и есть сам глава павильона?»

Потому что он слишком отчаянно жаждал ответа. Или, быть может, слишком отчаянно надеялся, что ответ будет отрицательным.

Тан Шаотан размышлял.

А Цзю мог быть кем угодно из Павильона Ушоу. Даже если бы у него были скрытые мотивы, другие планы — Тан Шаотан смог бы это принять. Он уже не был наивным ребёнком и понимал, сколь сложны человеческие отношения. При его положении ему не стоило ждать, что кто-то станет относиться к нему хорошо просто так.

Глава Павильона Радужных Одежд, наставница тётушка Чань, даже сама Цюй Цзюаньцзюань — их доброта и участие были обусловлены. Кто-то хотел сделать из него орудие убийства, кто-то требовал беспрекословного повиновения, а кто-то надеялся, что он прикроет отход в самый последний момент побега.

С детства он слышал, что лишь родители по своей природе способны безусловно любить и прощать своих детей. Даже если ребёнок оступится, они будут наставлять его и не отвернутся. Но ему не выпало такого счастья, да и сам он не считал, что достоин его. Поэтому он мог понять: в этом мире не найдётся человека, который стал бы относиться к нему хорошо без причины.

Но одно дело — обусловленные отношения, и совсем другое — заранее спланированная интрига.

Если А Цзю — глава Павильона Ушоу, тот самый расчётливый кукловод, что с самого начала занимал высокое положение и вёл свою игру...

Тогда всё, что он пережил, всё, что почувствовал за это время, — разве не было всего лишь искусно разыгранным спектаклем?

Тан Шаотан вспомнил вызывающую манеру А Цзю и его нежелание дать прямой ответ. Нехорошее предчувствие сдавило грудь. Вдруг ему стало слегка душно, во рту пересохло. Он потянулся за чайником — и почувствовал, что тот непривычно лёгок. Лишь тогда он спохватился и заметил, что служанки уже давно не подливали чай.

Тан Шаотан: «?»»

Это были служанки его наставницы, тётушки Чань. Обычно они не были столь нерасторопны.

Наконец вырвавшись из водоворота мыслей, он трезво окинул взглядом комнату. Воспитанный как боец, он мгновенно уловил, что позы обеих служанок выдают напряжение и готовность. Их расположение тоже было выбрано крайне удачно: одна — у окна, другая — у двери, полностью перекрывая возможные пути отхода.

Тан Шаотан сжал в руке чашку.

Наставница послала их не для того, чтобы проводить его, а чтобы задержать.

Почему?

Сердце Тан Шаотана екнуло. Он резко встал.

Наставница обнаружила, что Цюй Цзюаньцзюань всё ещё жива? Или же она сама собирается расправиться с А Цзю?

...

Проводив Ши Вэня и Жуань Чэнцзи, А Цзю до глубокой ночи бродил по уезду Ланьпин без

цели и, бродя так, в конце концов пересёк городскую стену и вышел за ворота.

Было уже за третью стражу. Ночной рынок за пределами уезда уже свернулся, оставив после себя лишь холодное лунное сияние на земле да поспешные следы прохожих. Полумесяц, что ещё недавно висел высоко в небе, теперь скрылся за набежавшими со всех сторон тучами.

А Цзю продолжал неспешно шагать прочь от уезда, казалось, слегка рассеянным.

Ночной рынок за городом делился на северную и южную части, соединённые недавно отстроенным деревянным мостом. Мост был сработан просто, без затей, не имел за душой ни громкой истории, ни занимательной легенды. Пока несколько лет назад с юга не приехала пара влюблённых, сбежавших от родных. Каждую ночь они приходили на этот мост, читали стихи, наслаждались обществом друг друга, привлекая всеобщие взгляды, и заодно, у всех на виду, дали мосту название «Сорочий» — мол, в подражание легенде о сорочьем мосте в ночь Циси, чтобы увековечить свою любовь, которую не в силах разлучить даже боги.

Увы, пробыла парочка в Ланьпине всего несколько месяцев, а затем их перестали видеть на мосту вместе. Кто-то говорил, что несчастных влюблённых обнаружили их могущественные семьи и насильно разлучили, забрав обратно. Кто-то утверждал, что им повезло: пусть чувства и истощились под грузом быта, стоило лишь дать знать семьям, и те забрали их домой, где каждый зажил своей богатой жизнью.

Какой бы ни была правда, мир охотнее верил первому варианту. С тех пор на этом мосту то и дело появлялись парочки, которые приходили, взявшись за руки, и уходили, не отпуская друг друга.

Окружающие мелкие торговцы смекнули, что здесь можно подзаработать, и принялись зазывать народ, торгуя «замками любви». Расписывали, мол, стоит лишь замкнуть такой замок на перилах моста — и двое будут неразлучны всю жизнь.

А если одной жизни мало, хочешь сковать себя на веки вечные — и это не проблема. Всего-то и надо, что раскошелиться да купить побольше замков.

Эти истории о любви А Цзю подслушал, когда сопровождал Фань Сяо, выбиравшего подарок для невестки. Для других они, возможно, звучали романтично, но в его ушах отдавались жутковатой сказкой.

Сам он много лет был лишён свободы, и потому к слову «замок» питал врождённую неприязнь, не говоря уже о «скованных» отношениях.

Он покачал головой и вздохнул: зачем двум разным людям, с разными судьбами, связывать себя друг с другом? Он прикоснулся к родинке у глаза, прикинул своё нынешнее положение, подумал о будущем — и решил, что уж его-то перспективы довольно мрачны. Кто бы ни оказался с ним «скован», тот, несомненно, вытянет самую несчастливую жребий.

Ночной ветерок был прохладен. А Цзю, подперев щёку рукой, склонился над перилами моста, слушая, как ветер заставляет медные замки тонко позванивать. Внезапно он выпрямился и холодно уставился в дальний конец моста.

Ночной ветерок был лёгким и ласковым, разве что трогал пряди волн у прохожих, — но уж точно не мог раскатать эти тяжёлые медные замки.

...

— Господин, в такой поздний час сидите на мосту в одиночестве — неужто ждёте свою судьбу?

Мелодичный, нежный голос донёлся по ветру.

<http://bllate.org/book/16258/1462891>